

Джейк Дэблин

**Трудовые
будни 2**

барышни-попаданки

Джейд Дэвлин
Трудовые будни
барышни-попаданки 2
Серия «Трудовые будни
барышни-попаданки», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69900925

Аннотация

У кого-то после попадания сказка, принцы, драконы и приключения. А у меня одни сплошные трудовые будни, ну что ты скажешь! 19 век, самое начало. Хозяйство, прогрессорство, крестьянский быт, хорошо хоть, не в крепостную попала.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	52
Глава 10	57
Глава 11	63
Глава 12	69
Глава 13	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Джейд Дэвлин

Трудовые будни барышни-попаданки 2

Глава 1

Сани мчались ровной наезженной дорогой. Мне ни разу не пришло в голову подогнать Еремея – он делал все, что и должен был сделать в этой ситуации кучер-мастак. Гнал коней, но без предельного утомления, чтобы они не то что не задыхались, но даже не захромали и не сбавили скорость.

Спать я не могла, читать – тем более. Вспоминать те самые страшные минуты на волжском берег у не хотелось – они вспоминались сами...

Первый сладостный и малодушный порыв – стадия отрицания.

Не-е-ет! Это шутка! Я приеду в Голубки и узнаю, что пожара не было, а навстречу мне Луша выведет Лизоньку и Степку. За ними на крыльцо выползет Павловна и будет ворчать, что детки плохо одеты и надо не обниматься на холоде, а скорее бежать в дом.

Ванька, Ванечка, скажи, что ты пошутил! Я сердиться не буду, наоборот – награжу!

Нет. Гонец искренен и напуган, он говорит отрывисто и хрипло, пряча глаза. С конских губ падает пена. Коня надо расседлать, пусть отдохнет, бредя за груженными санями. Перед этим немного поводить – нельзя остановиться после скачки. Еремей этим уже занялся.

Теперь вдохнуть-выдохнуть. И потребовать неторопливый, обстоятельный рассказ, а не поток бессвязных слов. Хуже, чем я боюсь, быть не может.

Пожар в коровнике начался поздно вечером, когда все спать собирались. До сеновала пламя не дошло, иначе сгорела бы вся усадьба. Когда залили и затоптали пламя, обнаружили следы поджога. Кто-то оставил в углу подожженную свечу – осталась грязная лужица несгоревшего воска.

Хоть и Масленица, нашлась трезвая голова, чтобы координировать действия добровольных спасателей – одних отправил на тушение водой и мокрыми рогожами, другим командовал выводить скотину. А еще позвать всю прислугу, в том числе Лушу и Аришу, помогать – встать в цепочку, таскать воду. Павловна прошлась по дому, собрала всех.

Ущерб оказался небольшим, лишь две коровы слегка обожглись. Надо узнать, кто распоряжался, не забыть поблагодарить-наградить.

Когда потушили и горняшки вернулись на барскую половину, вот тут-то и выяснилось – дети пропали. Все: и Ари-

шин Прошка, и Лушин Степка... И Лизонька.

Первым спохватился Дениска. Увидел в потемках, как с крыльца выносят шевелящийся мешок, откуда доносится плач. Помчался к воротам, догнал сани, получил кистенем. Не сильно, на излете, уточнил Ванька, голова в крови, но говорит внятно и помнит все, что увидел. Правда, увидел немного: двое похищали, третий кучер. Сани – тройка.

В доме верховодит Павловна. Велела следить за Лушей и Аришей, чтобы не сделали над собой чего, от горя и страха. Хотя и за ней проследить бы не грех.

А больше ничего не известно. Мужики видели тройку, въехавшую в село, поняли, что не барыня вернулась, потеряли интерес, не приглядывались. Тройка остановилась неподалеку от ворот. Верно, ждали крика «пожар!». Кстати, кто же им ворота отворил?

О чем я сейчас думаю?! Какие ворота?! Это – потом.

...Запрокинуть голову, еще раз глубоко вздохнуть. Отогнать картину: теплые, встревоженные дети. Все взрослые куда-то умчались. Прошка просто плачет в колыбельке, Лизонька хмурится, Степка всех успокаивает. Грубый топот в коридоре. И вот кто-то незнакомый врывается в комнату. Бабай из страшной сказки со своим мешком...

Еще раз вдох-выдох – прогнать стылый ужас. Дети были нужны живыми, значит, они и теперь живы. И вернутся домой живыми. Похитителей найдем и оторвем все похищальки.

Когда гонец закончил рассказ, я начала распоряжаться. Одна тройка, без груза и с одним пассажиром – со мной. Вот она-то и помчится в усадьбу. Остальные, неторопливо, следом.

Я случайно оглянулась, посмотрела на вечерний силуэт кремля.

Может, вернуться в Нижний? Искать там защиты и помощи?

Нет, торговые партнеры не помогут. А Михаил Второй, самый полезный в этой ситуации, как выяснилось, позавчера отбыл из города по некоему неотложному делу. Может, ждать его придется день, может – три, может – неделю. Нет времени. Вперед!

– Эмма Марковна, а Эмма Марковна? – Голос кучера был слегка озабочен.

– Что, Еремей?

– Я гоню, как условились, с расчетом, что перемена будет. Если на станции новых лошадей не возьмем, тогда сбавить сейчас придется.

– Не сбавляй, – приказала я. – Будут лошади.

Минут через пятнадцать тройка влетела на станцию. Я заранее подготовилась к непростому разговору с чиновником самого низшего класса – станционным смотрителем, но все оказалось еще сложнее.

– Мне надо немедленно получить свежих лошадей! –

твердо и спокойно сказала я, глядя в глаза пожилому рябому чинуше. Одновременно протягивая купюру в уверенности, что она будет взята.

Но бумажка осталась в руке.

– Сударыня, нет лошадей, – ответил чиновник, стараясь избежать моего взгляда.

– Лошади есть, – так же спокойно ответила я, – велите перезапрячь.

То, что свежие кони на станции имеются, я догадывалась и без Еремея. Но он все равно уже выяснил, а заодно договорился с местным конюхом приберечь нашу тройку на пару дней, потом пришлю забрать. Точнее, пришлет Еремей, я дала ему все полномочия и небольшую сумму, чтобы не отвлекаться самой на любые конские нужды. Кроме, конечно, станции и ее властелина в замызганном мундире. Тут могла только я.

– Свежие лошади-то всегда есть, – вздохнул смотритель, – только вот вы же понимаете...

Я понимала, что своим финансово-волевым прессингом переломила привычную ему модель: барыня должна или пуститься в истеричный крик, или добавить к нему слезы.

Или... Или они прорываются сквозь мое спокойствие и волю. Надо незаметно прикусить губу, повысить тон и победить.

– Понимаю. Но мне. Очень. Нужны. Свежие лошади!

– Беда у вас, барыня, стряслась? – участливо спросил чи-

новник. Судя по тону, его участие было искренним, а готовность к капитуляции – близкой.

Но тут появилось новое действующее лицо – его супруга.

– Андреич, – проквохтала она, демонстративно не глядя на меня, – главное, чтобы с тобой беда не стряслась. Дашь лошадей, а тут курьер заявится. О, так и есть. Слышишь?

Конечно же, она обращалась к мужу, но и я расслышала приближавшийся звон колокольчика.

– Ну ты, Федоровна, накаркала, – вздохнул Андреич с явным облегчением и обратился ко мне уже официальным тоном: – Сударыня, вам придется обождать-с. Казенные надобности – первое дело, это всем известно.

И мгновенно забыл обо мне, принявшись сбивать пыль с мундира, нуждавшегося, скорее, не в щетке, а в стирке.

Я обежала взглядом стены полутемной комнаты – иконы, портрет государя-императора, пожелтевший лубок про Казанского кота. Надо успокоиться. Кто бы ни оказался пассажиром звенящей тройки, это не беда, а проблема. В худшем случае – задержка. А может, удастся обратить проблему в ресурс?

Только надо отвернуться, глубоко подышать. И проглотить застрявший в горле ком.

Робкая надежда блеснула искоркой и вспыхнула фейерверком, едва я увидела человека на пороге.

Быть такого не может! Но это был он.

Глава 2

– Здравствуйте, Михаил Федорович, – сказала я.

Михаил Второй, он же дядя-котик, растерянно оглянулся, как бывает с каждым человеком, вошедшим в полутемное помещение. Увидел меня, шагнул навстречу.

– Эмма Марковна, здравствуйте. Возвращаетесь в ваши уютные родные пенаты?

– Да, – ответила я, добавив: – И очень спешу.

Попутно взглянула на зрителя и супругу. Они перебрасывались удивленно-напуганными взглядами. Ох, неспроста барыня себя так круто повела, вот с какими чинами она в знакомствах.

– Вы спешите, – кивнул Михаил Второй. – Простите, если я ошибся как физиогномист, но я уверен, причина вашего желания как можно скорее оказаться в Голубках не радостна.

– Сударыня и правда очень торопиться изволят, – несмело сказала супруга зрителя и замолкла под испепеляющим взглядом мужа, дополненным злым шипением.

– Был бы весьма признателен, если бы вы временно оставили нас одних, – произнес Михаил Второй засушенным тоном. И добавил чуть резче: – Распорядитесь с лошадьми для двух экипажей!

Тон, в дополнение к мундиру, сделал свое дело. Зритель с супругой покинули помещение, из-за закрытой двери

донеслась тихая ругань.

– Мы торопимся оба, – немедленно сказал Михаил Второй, – поэтому было бы лучше, если бы вы сразу рассказали о случившемся.

За эти несколько секунд я решила – говорить надо. Кратко, сдерживая эмоции, хотя фиг их сдержишь. И только то, что мне известно. Например, не «в усадьбе похитили детей», а «как прошлым вечером сообщил мне слуга».

А еще я не стала скрывать причину. Нашла подходящие слова, вроде «внебрачное дитя», и рассказала всю предысторию.

Собеседник слушал внимательно, без уточняющих вопросов. Первая его реплика меня удивила.

– И почему же вы приняли такое участие в судьбе этой крепостной девки?

– Я своими руками... – начала я и поняла, что не очень-то хочу рассказывать предысторию своего знакомства с жертвой сладострастия родного дядюшки. По крайней мере, всю правду. – Я своими руками готовила для нее лекарство, когда ее вытащили из воды мужики и привели в мою усадьбу. Бросить ее после этого для меня было невозможно.

– Достойное человеколюбие, – заметил дядя-котик. – Понимаю вас: по закону, да по его практическому применению, ситуация для девки была безвыходной. И вы видите прямую связь между произошедшим и вашим филантропическим актом? – спросил собеседник. – Или, может быть, це-

лю была ваша малютка?

Я вздрогнула. Может, так оно и есть? Но кто? Бывший староста Селифан на такое решился бы вряд ли, да и сын бы не позволил так себя подставить. А иных врагов не нажила.

Разве что... Вспомнила своего ухажера, окончившего жизненный путь на березе в моих владениях. Но в этой истории злодей не обнаружен. Если даже и был.

– У меня нет других объяснений, – ответила я.

– Так что же делать-то будем?

Судя по тону, собеседник задал вопрос сам себе, и я не стала мешать ему собираться с ответом. Что делать мне – давно решено: оторвать руки тем, кто похитил, и открутить головы тем, кто задумал. Пусть чиновник по особым поручениям найдет другой вариант.

– Мне необходимо закончить одно важное дело, на это вряд ли потребуется больше двух суток, – наконец сказал Михаил Второй. – Понимаю ваши чувства и волнения...

Понимаешь ты, котик бесчувственный!

Похоже, я лишь подумала, а не сказала, потому что чиновник продолжил:

– Но у меня есть твердая уверенность, что малютка содержится в безопасных условиях. Извините, что я столь отстраненно говорю о вашем ребенке, но она не главная цель похищения, а, как я предполагаю, всего лишь залог того, что вы объявите о своей безучастности к судьбе другого ребенка.

– Михаил Федорович, – твердо сказала я, – надеюсь,

вы понимаете, что это невозможно. Я догадываюсь о мотивах похитителей, но, если мне поступит такое предложение, я немедленно откажусь.

Кстати, а почему? «Сударыня, скажите "да", и не пройдет и часа, как Лизонька будет в ваших объятиях...» Почему так нельзя? Неужели я настолько привязалась к этому младенцу... к Проше? Не могу я согласиться, чтобы Прошка, которого я держала в руках, остался у бабая. Даже если тот его и не съест, а просто устроит социальную пакость, которая искалечит судьбу навсегда.

– Понимаю, – кивнул Михаил Второй. – Я, как человек и слуга государев, возмущен этим редкостным злодейством и считаю недопустимым частный договор с его замыслителями. Дети будут спасены, негодяи – наказаны. И все же у меня будет важная просьба к вам.

Я напряглась. Важные просьбы всегда неприятны.

– В таком деликатном деле необходимы спокойствие и тишина. Вы не будете ничего предпринимать сами. А также вы сохраните происходящее в тайне от полицейских властей. И особенно...

Мне показалось, что собеседник приготовился назвать Михаила Первого. Но так этого и не сделал. Или не хотел лишний раз произносить имя, или понял, что я догадалась.

– Я жду от вас конфиденциальности в нашем деле, – закончил он.

«Да!» – хотела я крикнуть в ответ. Но сдержалась. Пред-

ставила, как будет, если ожидание затянется на три дня или больше. Не свихнусь?

Да и не в этом дело. Луч надежды ослепляет. И я не замечу, как попаду в зависимость. Слушайте меня, надейтесь на меня, никому не говорите обо мне и, что бы ни происходило, помните мои слова. Это страшная паутина, к которой стоит только прикоснуться – и уже не выпутаться.

А я еще не коснулась.

– Михаил Федорович, я понимаю вас, – ответила я, надеясь, что твердым голосом, – я очень благодарна вам за столь живое участие. Но поймите: сейчас для меня каждый час – пытка. Мне предстоит терпеть всю дорогу до дома. Я обещаю вам ничего не делать пару часов по приезде, кроме как расспросить дворню лично. Помня ваше обещание предпринять... спасти детей, я не буду совершать безрассудных шагов. Но терпеть и бездействовать дольше этого срока, особенно если что-то выяснится, я не обещаю. И не собираюсь немедленно обращаться в полицию. Но если слух о произошедшем дойдет до нее, я также не обещаю солгать ей, что мой ребенок находится в Голубках.

На одну секунду взгляд дяди-котика стал страшным. Вернее, пугающим. Напугать он мог лишь одним: «Извините, тогда ничего сделать не могу».

Но он тотчас же потеплел.

– Да, сударыня, я понимаю ваши чувства и согласен с вами. Пахом! – позвал он громко, и его сопровождающий, ви-

димо денщик, живо подскочил и вытянулся в ожидании приказа.

– Передашь его превосходительству пакет лично в руки. И на словах – что меня задержало дело чрезвычайной важности. Вернусь – доложу подробности. Смени лошадей и во весь дух в Нижний. Там все сделаешь и так же быстро – обратно, в Голубки. Понял?

– Есть, вашвыскблагродие! – браво рявкнул дюжий усач. – Будет исполнено!

– Я еду с вами, – отвернувшись от денщика, объявил Михаил Второй. – Не могу отпустить вас в таком состоянии. К тому же вы правы, медлить не стоит. Чем быстрее дети вернутся домой, тем лучше будет всем.

Глава 3

Мой экипаж увеличился на одного пассажира, но скорость не снизилась – сани тянули свежие кони, лучшие из тех, что нашлись на станции. Мои лошадки остались отдыхать в пристанционной конюшне, дожидаясь нашего обоза, чтобы вернуться с ним в Голубки.

Обо всех лошадиных комбинациях договорился Михаил Второй. Он уединился со зрителем, и разговор был почти неразборчив. До меня только донеслось «никак невозможно-с», а потом – повышенный, ровный и уверенный баритон особого чиновника. Когда зритель вышел, на его покрасневшей физиономии читались и обида, и радость, и облегчение – неприятная беседа закончилась. Похоже, он был и запуган, и материально стимулирован, но в любом случае согласился ради его высокоблагородия серьезно нарушить должностной распорядок.

Ну и пусть. С той самой минуты, когда я услышала «я еду с вами», меня отпустило. Точнее, я ощутила себя пассажиркой тонущего корабля, вцепившейся в канат и разжавшей руки, едва под ногами оказалась шлюпка. Да, эта скорлупка прыгает на волнах, а буря вокруг не утихла. Но все же – надежда. О моей беде узнал человек, который не ждет от меня распоряжений, а готов действовать сам.

Пожалуй, впервые с той минуты, когда я вынырнула из ре-

ки, в моей судьбе участвует кто-то другой, равнодушный и сильный.

Ну а все наши прежние мелкие смешные недоразумения, например ночные блуждания по спящему дому... Что делать, такая эпоха. Был бы он гусарским ротмистром, приставал бы не так деликатно, не крался бы, не шуршал, а шевелил усами, топал сапожищами, позвякивал саблей. А сейчас помчался бы на коне в усадьбу дядюшки – «где убийца, где злодей, не боюсь его когтей!».

Забавно... ведь Муха-Цокотуха изначально презентована как дама самостоятельная – по полю пошла, денежку нашла, ну, или заработала. Проявила инициативу с самоваром и гостями. Но все же, когда явился паук, не обошлось без Комарика. Вот так и со мной.

От этой мысли я улыбнулась. Наверное, впервые за последние сутки. А так как эти сутки еще и не спала, то решила подремать. И не заметила, как заснула.

В себя я пришла, только когда мы подъезжали к уездному городку. Проснулась и обнаружила, что заботливо укрыта щегольской шубой на чернобурках с Михайлова плеча, сам он тоже дремлет, откинувшись на набитую конским волосом подушку сиденья, но и во сне придерживает меня рукой поверх шубы. Чтобы я не сползла с его плеча, которое нечаянно использовала вместо подушки.

Кажется, здешние понятия о приличиях уже завладели моим мозгом. Я поторопилась отстраниться, чувствуя нелов-

кость от этой совершенно невинной ситуации. Наверное, дело в том, что я понимала: невинность только в моей голове, а здешний мужчина может понять все неправильно.

Мое движение разбудило Михаила Второго. Он приоткрыл глаза и поспешил заверить:

– Не поймите превратно, сударыня. В дороге некоторыми условностями можно пренебречь. Тем более вы устали и встревожены. Я ни в коем случае не намерен использовать ваше состояние вам во вред.

Моих сил хватило только на вежливую благодарную улыбку. А дальше мы разговаривали о пустяках, пока не остановились у трактира, где обычно останавливались путешественники, решившие не заезжать в город. Инициатором стал Еремей, сказавший, что кони хороши, но отдохнуть им немного надо, и особый чиновник спорить не стал.

В чистой половине заведения был лишь один посетитель, и я узнала его сразу.

– Здравствуйте, Михаил Федорович, – сказала и подумала: даже улыбку выдавить больше не могу. Тревога, несмотря на краткий и ненадежный отдых, навалилась с новой силой.

Исправник поднял голову. В его взгляде мелькнуло удивление – он явно ждал кого-то другого. Возможно, полицейского агента.

– Здравствуйте, Эмма Марковна! Здравствуйте... Михаил Федорович, – добавил он после небольшой паузы, как бывает, когда произносят имя-отчество тезки.

Михаил Второй сухо поздоровался. Он явно не обрадовался встрече, но развернуться и уйти было бы странно.

– Самовар, и поскорей, – велел он подошедшему полово-
му.

Я внутренне вздохнула от рефлексивной мысли: надо бы и сюда предложить мой фирменный чай. Но как о таком сейчас думать?

– Присаживайтесь к моему самовару, принесли только что, – пригласил Михаил Первый.

– Мы спешим, – невпопад ответил дядя-котик.

– Потому и приглашаю, – благодушно заметил исправ-
ник. – Вашего самовара ждать придется, а к моему – только
чашки подать.

Аргумент был неотразим. Я присела за стол Михаила Пер-
вого. Показалось, будто особый чиновник хотел что-то ска-
зать. Но он сдержался и последовал моему примеру.

– О вашей беде мне известно, – после того как к столу по-
дали чайные приборы и еще теплый калач, серьезно и даже
суховато высказался Михаил Первый. – Цыган поблизости
не было, так что их отметаем. Подозреваю дурацкую шутку
кого-то из местных, молодых да резвых. Не думаю, что де-
тишкам хотят причинить вред. Но меры к розыску приму са-
мые серьезные, будьте покойны. Езжайте домой и ни о чем
не волнуйтесь. Постарайтесь не совершать поспешных ша-
гов.

При этих словах Михаил Первый отчего-то особенно при-

стально прищурился на Михаила Второго. Словно именно его предупреждал – не лезь.

– Откуда вы узнали? – только и хватило у меня сил спросить. Ванятка-вестник сказывал, что Павловна первым делом закрыла ворота усадьбы и велела дворовым прикусить языки. И наверное, правильно сделала. Хотя не знаю... ничего не знаю. Был бы тут мой Миша, он бы...

– Слухами земля полнится, – туманно заметил капитан-исправник. – Шила в мешке не утаить. Бояться вам не следует, отродясь в нашем уезде такого супостатства не было, чтоб детей воровать. И уж постараюсь, чтобы впредь не случилось. Со дна морского достану аспидов. Главное, сами поперек батьки в пекло не суйтесь.

И снова посмотрел на Михаила Второго.

– А чтобы столичные чиновники неведомо с чего удавливались... или удавливали их и полиция ничего выяснить не могла, такое бывало? – суховато, даже немного презрительно, заметил Михаил Второй.

– Чиновник в могиле, – ответил исправник после небольшой паузы. – Мое дело – живых защищать.

Особый чиновник взглянул на меня не просто с просьбой – с требованием. Мол, скажите ему – я под защитой и в других защитниках не нуждаюсь.

Ну уж нет. Пусть без меня пикируются сколько влезет, лишь бы до дуэли не дошло. Мне они оба нужны. Один отбросил все дела, чтобы мне помочь. Другой спокойствием

и фразами «кто-то из местных, молодых и резвых» напоминает Мишу.

– Пока что защищать дворянок, попавших в такую неслыханную беду, приходится другим, – почти без волнения сказал Михаил Второй. – И не забывайте о чинах.

– А вы – о долженствующих обязанностях, – ответил Михаил Первый. – Пока из моего ведомства не придет приказ, запрещающий мне заниматься каким-либо делом, для меня все дела важны будут. Эмма Марковна, вы согрелись?

Вопрос прозвучал немного бестактно, но не врать же. Пока мужчины мерились чинами и обязанностями, я выпила две чашки и съела треть калача. Нехорошо даме демонстрировать голод, но я решила не стесняться.

– И если вы и вправду спешите... – продолжил Михаил Первый.

Лицо дяди-котика пошло пятнами, но он смолчал. Я встала, вежливо попрощалась и направилась к двери. Михаил Второй – тоже. Перед этим остановился, вынул ассигнацию, кинул на стол. Подумал, добавил еще одну. Исправник улыбнулся.

Глава 4

– Не уберегла я их, барышня, голубушка. – Павловна выглядела так, словно разом постарела на двадцать лет. Она еще и попыталась рухнуть мне под ноги ничком, лбом прямо в мокрую снежную кашу у полозьев, щедро сдобренную соломой и навозом с лаптей. – Казни старую, не уберегла...

Я молча бросилась поднимать нянюшку на ноги и, не чинясь, не обращая никакого внимания на застывшего возле возка Михаила Второго, на дворню, на прочих людей, обняла старуху, прижала к себе.

– Ну что ты, нянюшка, – зашептала тихо на ухо, поправив ее сползший с седых волос платок. – Что ты, милая... Ни в чем твоей вины нет, перестань. Разве кто мог угадать супостатов этих?... Не бойся, найдем детей, Богом клянусь, найдем. Вернутся наши ангелочки живые и невредимые, я тебе обещаю!

Павловна молча заплакала, уткнувшись мне в плечо. Ее шатало от горя и усталости. Такие волнения пожилому человеку точно не на пользу. Найду, кто это сделал, – дважды ноги вырву и спички вставлю! За детей, за себя и за Павловну. Это значит трижды!

Краем глаза я наблюдала за Михаилом Вторым. Он по-прежнему стоял возле возка, не зная, куда податься. Горе го-

рем, а гостеприимство никто не отменял. Велела проводить его в гостиную, предложить чая, подготовить комнату, если задержится.

И тоже пошла в дом, в детскую, навстречу двум другим горестям. И невозможно сказать, какая была тяжелей.

Луша словно окаменела от горя. Сухие глаза, бледные щеки, пустой взгляд. Не понимала, где находится и что барыня вернулась. Просто глядела на меня и молчала, несмотря на то что кто-то из дворни шикнул на нее – как перед барыней стоишь! Я не сомневалась – есть только одно лекарство, которое сразу вернет ее к жизни. Лекарство, которое она прижмет к груди.

А вот Ариша кинулась ко мне, как Павловна. С горящими глазами, нездоровым румянцем на щеках. Подбежала, схватила за еще не снятую шубку. Опомнилась, отступила на шаг, сказала тихо, но жарко:

– Барыня, простите! Спасите Прошеньку! Богом прошу, спасите!

Я поняла ее эгоизм – конечно же, из трех похищенных детей наибольшая опасность угрожала именно младенчику Прохору.

...Или не могла понять. Я любила Лизоньку, я привязалась к ней как к своей, я так долго хотела ее в прошлой жизни. Скучала, только выехав из поместья в Нижний, каждый день вспоминала, готовила подарки, мечтала, как вернуться и обниму малышку. А если бы родила ее сама и пом-

нила, как носила под сердцем, родовые муки и радость? Могу ли понять Аришу? А впрочем... могу. Не я этого ребенка рожала, но он мой, роднее не бывает!

Я просто погладила Аришу по голове.

– Найдем, непременно найдем! Ты водицей студеной умойся и Богородице помолись.

Ариша вытерла слезы и молча отошла.

– Это Дарья-змея, не иначе, – зло прошипела слегка опомнившаяся Павловна. Она по-старушечьи утирала уголком платка беспрерывно текущие по морщинистому темному лицу слезы и мокро шмыгала. – Бога не боится, купецкая стерва! Разве ж можно детей, ангельские душеньки... а дядюшкин Кузьма намедни-то, до пожара, не зря в село к Селифану шлялся! Люди видели, люди рассказали. Сговорились они, каторжники!

Я позволила усадить себя за стол. Наскоро глотнула теплый чай, съела пирожок, поддерживать силы надо. Задумалась и решила:

– Поеду. Попробую поговорить с ней как с человеком. Денег предложу. Глаза выцарапаю, если понадобится. Но без детей не вернусь.

Бабы и девки, набившиеся в горницу, кто испуганно охнул, кто одобрительно кивнул. Ариша вскинулась, явно собираясь последовать за мной. Павловна решительно высморкалась и поджала губы:

– Одну не пушу!

– И правильно, – сказал вдруг, появляясь в дверях, Михаил Второй. – Сударыня, вы забыли, о чем мы с вами говорили всю дорогу? Да и капитану-исправнику вы обещали не делать глупостей и поспешных шагов.

Я сердито взглянула на особого чиновника. Как он может быть таким холодным, видя, как мне плохо? Да и не только мне – одна мать окаменела, другая помешалась с горя. Не замечает?

Но вообще-то я и правда обещала ему не совершать безрассудных поступков, по крайней мере два часа. И поэтому теперь промолчала.

– Братцы, голубчики, – обратился Михаил Второй к дворне, сначала ласково, но потом настойчиво и сурово, – беда у барыни, а помочь только я могу. Не мешайте! Ступайте по делам!

Кто-то возразил, что дела в поместье Эмма Марковна задает. Но я махнула рукой – идите. И народ послушно разошелся. Последней ушла Павловна, не избывшая чувство вины и все же немного успокоенная тем, что такой вельможный чиновник с ней согласился.

Когда мы остались одни, Михаил Федорович подошел к окну и поманил меня пальцем. Я подошла.

– Ну вот вы приехали к дяде, точнее, к его супруге. И что ей скажете?

Пока я думала над ответом, собеседник меня опередил:

– Будете грозить Сибирью? Не ей, конечно, а слугам.

Не удивляйтесь, пусть я и не исправник, но весьма и весьма осведомлен о различных инцидентах, связанных с людьми, взятыми мною под покровительство.

Я начала вспоминать – не проговорила ли случайно, когда, например, мы ехали в санях. Нет, таких подробностей «различного инцидента» я не называла точно.

– Быть может, – сказала я, ругая себя за неуверенность, – я буду апеллировать к материнским чувствам Дарьи Сергеевны?

– Рассмеется или сделает вид, будто не поняла, – вздохнул Михаил Второй. – А дойдет до угроз – испугается, и вот это будет хуже всего. Понимаете, Эмма Марковна, мне больно произносить эти слова. Но когда человек с положением в обществе совершает жестокое и не имеющее оправданий злодейство, ему проще скрыть все следы, чем признаться и рассчитывать на прощение. Извините, предпочту избежать подробностей, но вы достаточно разумны, чтобы меня понять.

Ох... Вдохнуть глубоко. Сосчитать до пяти... лучше до десяти. Да, в том мире, точнее, в том особом уютном, но немного специфическом мирке, в котором я существовала прежде, о таких страшных вещах, как похищения детей, говорилось не раз. С моим Мишей. Поэтому психологию похитителей я немного представляю.

А сейчас – особый случай. Заказчик похищения дорожит репутацией не меньше, чем жизнью и свободой. И ему проще при первой опасности, даже при первом подозрении...

Нет, я не могу так даже думать применительно к Лизоньке, Прошке и Степе. И конечно же, подвергать их жизнь опасности.

– Поэтому, – продолжил Михаил Второй, – самое разумное, если я выпью еще чашку чая, ваш кучер – стопку, чтобы не замерзнуть, и мы поедем, пока светло. Я найду правильные слова для вашей тетушки.

– Вверяю свои надежды вам, Михаил Федорович, – только и смогла произнести я. – Надеюсь, вы меня не подведете.

Глава 5

Я знала, что ожидание может быть пыткой, но никогда она не была столь мучительна. И не забыться – я неплохо выпалась в дороге и понимала: буду бодрствовать и на ногах, и в кровати. Требовалось чем-то заполнить неизвестность.

Начала небольшое расследование. Мужика, распорядившегося на пожаре, звали Фрол, он был оставлен за главного на конюшне, по рекомендации Еремея. Мужик был здоровый, с окладистой бородой, но, увидев меня, бухнулся на колени:

– Простите, барыня.

Не сразу поняла – он думал, что я велела его позвать, желая взыскать за то, что при пожаре потребовал позвать во двор всех людей и в людской, и в барской половине, поэтому в детской никого не осталось. Я его утешила, дала рубль, мужик от неожиданности расплакался.

Меня интересовали не только заслуги на пожаре. Хотелось понять, кто же отворил ворота похитителям. Дениска, чья рана оказалась совсем легкой, рассказал, что тройка подъехала почти к крыльцу. Разумность этого очевидна: бежать пешком от дома до ворот неудобно. Почему сунули в мешок всех трех деток, тоже понятно: похищал кто-то чужой, и ему приказали похватать всех.

Но ворота могли открыть только свои. В пути я скорее

думала, как наградить спасавших добро. Здесь же, в усадьбе, поняла: от этой мысли не избавиться и придется искать.

Увы, реконструировать события того страшного вечера оказалось непросто – каждый помнил только то, что делал сам, и почти не помнил, что делал другой. Исключить удалось лишь половину усадебного народа, да и то условно.

Ладно, когда-нибудь узнаю. И это будет не лучший день для злодея, так как пока не представляю, что оторву, где закопаю.

Начала отвлекаться делами. Посетила коровник и прочие хозяйственные службы, выяснила, что действительно от пожара было больше шума, чем вреда. Поручила подготовить места для хранения припасов, которые должны были прибыть в ближайшие дни.

Сообразила, что надо лечить пострадавших, пока не стали лечиться водкой. Составила успокоительный травяной сбор для Ариши и Луши. Попробовала сама, а потом поручила Павловне проследить, чтобы обе мамыши его выпили. И выпить сначала самой, при них, мол, мне пользительно, значит, и им будет.

Средство оказалось действенным – через полчаса я задремала в гостиной. В полудреме-полусне каждые пять минут звенели бубенчики на тройке вернувшегося Еремея, раздавался голос Михаила Второго, а его заглушали веселые детские голоса.

Вздрагивать, открывать глаза и понимать, что это все –

сонный морок, оказалось мучительнее, чем просто ждать. Так что через пару часов я встала и начала мерить комнату шагами, судорожно заставляя мысли идти заданным путем: собирать факты, сопоставлять их, считать еще не заработанные деньги, которые обязательно, обязательно пойдут на образование детей.

Со двора слышался шум, заскрипели ворота. Вернулся мой возок. С Лизонькой, Прошей и Степкой?

Едва накинув на плечи и голову теплый платок, я вылетела на крыльцо, хотела бежать навстречу.

Но Еремей издали замахал на меня руками и закричал:

– Барыня, стойте! Один я! Его превосходительство коня у дяденьки вашего взяли и уехали, а мне возвращаться велели!

– Куда уехал? – Я чуть не села на крыльцо. – Зачем?!

– Не могу знать, барыня. – Хмурый Еремей подъехал к самому дому и закинул вожжи на балясину перил. – Велел передать, чтоб дома ждали, дескать, скоро будет с новостями. Якобы что-то он то ли нашел, то ли выпросил, то ли догадался.

– И не подумаю! – Меня словно ветром на ноги подняло. – Едем обратно, в дядюшкину усадьбу. Сейчас же!

– Да вы ж хоть оденьтесь, барыня! – вздохнул и покачал головой кучер. Понимал, что спорить и держать меня бесполезно. – Не дай бог, застудитесь. Кто ж о детках позаботится, когда они вернутся?

– Да, Ерема, надо одеться, – рассеянно ответила я, стараясь вынырнуть из волны ужаса. Как пассажирка утонувшего корабля, очутившаяся в спасательной шлюпке и узнавшая, что в ней тоже пробоина.

«Велел ждать... скоро будет с новостями». Нет ничего хуже таких обещаний.

Удивительно, во мне жили два человека. Один дрейфовал в прострации, другой – распоряжался. И не только подать мне шубу. Нет, я обязательно поговорю с Дарьей, если не встречу этого... не знаю, как его называть. Героя? Обманщика?

– Нельзя тебе одной ехать, Эммушка, – вздохнула Павловна, от волнения забыв про всю местную субординацию. – Не ровен час, сама пропадешь.

– Твоя правда, Павловна, – вздохнула я.

Задержаться пришлось еще на полчаса. За это время из двадцати добровольцев, готовых ехать спасать «ребенка барынькина и деток остальных», я отобрала четырех, наиболее крепких, вооружив их самым сподручным оружием – дубьем и топорами. Велела обзавестись факелами – уже темно. Еремей запряг вторую тройку, из лучших коней, оставшихся в усадьбе, чтобы мои помощники не очень отставали от меня.

И мы пустились в путь.

– Хорошо сделали, Эмма Марковна, что оделись тепло, – сказал Еремей, – мести начинается.

Я спросила кучера, кто, по его представлению, мог совершить злодейство.

– Дворовые по барскому приказу – вряд ли. Вы их, барыня, так однажды застращали, что они уж не осмелятся. Разбойников настоящих в уезде давно нет. Но иногда скрываются беглые некруты да каторжники, что до Сибири не дошли, сбежали. Живут, работают за корм. Если такому денег пообещать, столько, что хватит пачпорт выправить, они за всякое дело возьмутся.

Уж не знаю, утешила меня эта информация или нет. Я выглядывала из-под полога, глядя на крутящуюся поземку.

Мы не доехали до дома дяденьки Ивана Платоновича где-то треть пути. Пурга мела уже вовсю, словно зима напоследок решила показать всю свою лютость. И вот из этой снежной круговерти откуда-то со стороны смутно темнеющего леса вылетел всадник и бросился наперерез возку.

– Сударыня! – сердито крикнул Михаил Второй, откидывая полог. – Вы же обещали!

– Куда вы ездили? – Не обращая внимания на его сердитость, я жадно вглядывалась в лицо чиновника. – Вы что-то узнали? Ну не молчите же!

– Может, так и к лучшему. – После секундной паузы губернский чиновник отряхнул воротник шубы от летевшего снега и пригляделся ко вторым саням. – Сколько с вами людей? Четверо и кучер? Достаточно. Я напал на след похитителей.

– Где?! Что с детьми?! – Вопросы рвались сами собой, да и я бы следом из возка выскочила, удержалась последними проблесками сознания. – Как?! Откуда? Дарья призналась?

– Все вопросы потом, – резко мотнул головой Михаил. – Я правильно понимаю, заставить вас ждать здесь в возке не получится? Так и думал. Значит, так. Еремей, мужики, езжайте след в след за мной. У леса спешусь, и вы из саней вон. Не шуметь! Вперед не соваться! – И вынул из-под полы пистолет. Во всяком случае, мне так показалось.

Все по его слову и вышло. До леса по еще не шибко занесенному полю сани домчались вмиг, а дальше пришлось пробираться на своих двоих. Вот где впору было порадоваться шубе и высоким войлочным сапогам на шнуровке, какие в пору моего детства продавались в каждом советском магазине и назывались «прощай, молодость». Лезть через сугробы и кусты пришлось чуть ли не по пояс в снегу. Но я упорно не отставала от мужиков, благо Михаил сразу взял меня под локоть и всю дорогу поддерживал.

Путь казался бесконечным. В завитках пурги и сумерках рассмотреть что-то было сложно. Старая избушка на крохотной поляне вынырнула из-за деревьев неожиданно, когда мы подошли почти вплотную. Часть мужиков уже без команды двинулись в обход, к двери и крохотному оконцу. Михаил Второй пинком распахнул дверь и исчез в темном проеме.

Я прислонилась к мерзлой березе и затаила дыхание. Ну же, ну!

– Пусто тут, – сказал кто-то из мужиков. – Нет никого.

Глава 6

Я рванулась вперед, оттолкнула кого-то и оказалась в домике. В полутьме не очень-то видно было и снаружи, а здесь удавалось разглядеть только то, что избушка пуста.

Скрежетнуло кресало, мелькнули искры, разгорелся факел и осветил убогую избенку без мебели, только солома и тряпье на полу.

А это что?

Да, Амелька, Лизонькина кукла. Моя дочка была здесь совсем недавно. Но где она сейчас?

Михаил Второй что-то говорил о том, что девочка и другие дети непременно живы. Что в избушке все эти дни было тепло – да, я сама разглядела простенькую курную печь. Даже меланхолично тронула ее неостывший бок.

Но каким упавшим голосом говорил особый чиновник! Еще минут десять назад он все понимал, все держал под контролем. А сейчас напоминал сдувшийся воздушный шарик. Всё пошло не так! Он столкнулся с чем-то непонятным, и его отчаяние передалось мне.

– По следам поискать бы, – неуверенно сказал кто-то из мужиков.

– Сейчас наши следы занесет, – ответили ему.

И это было так. За дверью избушки шуршала белая стена. А когда я выглянула, то еле различила нашу недавнюю

тропинку. Никогда не увлекалась экстремальным туризмом, но поняла: еще немного – и придется либо остаться в избушке до утра, либо сейчас же спешить к саням.

Что хуже – я не знала. Что делать – не знала тоже.

Поэтому, когда Михаил Второй взял меня за руку, всхлипнула и побрела за ним. Шла, сжимая Лизонькину куклу.

Как мы ехали домой, я просто не помнила. Тяжелая душная хмарь навалилась темным одеялом. Помню только, что было очень холодно. Невыносимо. И мне было все равно, я одна или рядом особый чиновник. Он же ехал верхом. Наверное, привязал лошадь к саням и укрылся под пологом.

Но потом сквозь слегка утихнувшую пургу засветились огни. В поместье никто не спал, там запалили все факелы и зажгли все лампы. Не знаю почему, но сердце забилось сильнее, словно свет в конце пути обещал надежду.

– Кто-то приехал, барыня! – крикнул Еремей, стукнув кулаком в переднюю стенку возка. – Чужие в поместье! Мундиры, вашбродь!

Михаил Второй, о котором я успела позабыть, высунулся из возка, потом и вовсе выпрыгнул. И канул в снег, даже руки не подал. Хотя понятно, понесся проверять, кто там пожаловал.

Но и я не собиралась ждать. Что, по снегу впервые пробираться? А вдруг там...

– Не стоит торопиться, сударыня. – Едва я высунулась

из возка, как меня под белы ручки подхватил... Михаил Первый.

Откуда он тут взялся? И почему...

– Не волнуйтесь. Дети живы, они в доме.

Ох... Дурной медведь! Кто же так новости сообщает! Даже хорошие. Самые восхитительные. У меня от его слов мгновенно закружилась голова. Как в дурном французском романчике, колени подкосились, и я упала на руки капитана-исправника, словно созревшее яблоко в шубе.

Злой февраль исчез. Остались только голоса.

– Отпустите даму! Вы что себе позволяете?!

– Мне ее что, на снег положить? Ваше высокоблагородие, вы в этой истории и злодеев постарались спугнуть, и деток чуть не погубили. Так теперь надо и Эмму Марковну заморозить?

О ком это? Обо мне? Почему я двигаюсь, но не чувствую ног? Меня несут?

Исправник не только говорил, но и двигался в сторону крыльца уверенными, хотя и неширокими шагами. Рядом семенил Михаил Второй. Похоже, он порывался схватить меня, но не решался. К тому же если исправник шагал по тропинке, то особый чиновник – по сугробам, то и дело проваливаясь.

Неважно, о чем они спорят. Дети... Дети живы и в доме!

– Михаил Федорович!

Мой голос был командный и резкий. Двое мужчин оста-

новились, каждый решил, что я обращаюсь именно к нему. В другой ситуации я бы улыбнулась. Но не сейчас.

– Благодарю за помощь. Пожалуйста, поставьте меня!

Исправник пожал плечами и выполнил просьбу, благо мы были уже на крыльце. Я ринулась в детскую, не слыша ничего, что говорят за спиной.

В детской было полутемно и пахло мокрым бельем. Луша неуверенно гладила по голове Степochку, а он молча прижимался к ней. Прощка ревел на руках Ариши – она вцепилась в ребенка так, будто его могли отобрать прямо сейчас. Павловна держала на руках Лизоньку, а та тихонько всхлипывала.

Потом крикнула: «Мамочка!» – и дернулась ко мне.

Павловна сразу передала мне дочь. Та потянулась ко мне ручонками, и несколько секунд мы обнимались. Только тут дочка увидела в моих руках свою куклу. Я в забытьи так и сжимала тряпичное тельце, даже позабыв о нем. И теперь моя девочка улыбнулась.

Потом я велела принести еще ламп, нагреть воды и серьезно сказала Лизоньке:

– Милая, я расскажу тебе сказку. А сначала осмотрю Прощу. Ты большая, а он маленький. А ты пока побаюкай Амельку, – показала на куклу, – она ведь еще меньше и очень испугалась.

Дочка внимательно взглянула на меня. Нахмурилась, казалось, заплачет. Я поцеловала ее, и Лизонька опять улыб-

нулась. Кивнула головкой и принялась баюкать Амельку.

Лампы уже принесли. Я повернулась к Арише, но она продолжала сжимать младенца. В ее глазах были проблески недавнего безумия, а губы шептали: «Не дам».

На миг меня охватила усталая злость. Она что, не понимает, что только я сейчас могу осмотреть ребенка и понять, нуждается ли он в помощи? Хотела даже приказать по-барски. Но сдержалась. Она же почти девчонка. Не знаю, как сама переживала бы такую историю в ее возрасте.

Поэтому я спокойно сказала:

– Положи Прошеньку на стол. Сама раздень. Я должна посмотреть, все ли с ним в порядке. Не выпускай его, держи своими руками. А я его не возьму. Ну, сделай так, – последние слова чуть-чуть повелительно.

Ариша несколько секунд ошалело глядела на меня. Потом осторожно положила Прошку на стол и стала распеленывать.

Все оказалось в порядке и с Прошкой, и с Лизонькой, и со Степкой. Детей как-то кормили, они явно не мерзли. Младенца явно не один раз перепеленали. Носики-курносики – да, сопливые, но это мелочь, и синяков нет. А еще Проша в своих предсказуемо мокрых пеленках был теплый.

Так что купаем, кормим – и спать. Одежду, конечно, не просто стираем – надо посмотреть, чтобы Лизонька и Степка ближайшие дни не носили то, в чем их похитили. В таком возрасте не всё понимают, но очень хорошо запоминают.

Когда купание полусонных деток завершалось, ко мне подошла Матрена, повариха, баба дельная и способная взять на себя функции управляющей, когда Павловна отвлекалась на что-то более важное. Как в нынешней ситуации.

– Эмма Марковна, как распорядитесь с гостями поступить? Его благо... его высоко... тот чиновник, что с вами приехал, без экипажа. А исправника, что деток привез, в такую метель, да в ночь, отпускать грех. Я, извините, коль не так, велела комнаты господам приготовить, а людям исправника, кучеру да двум служивым, тоже чуланчик нашли на людской половине. Покуда они на кухне щами и чаем греются, а господа – в гостиной, как кот и пес друг на друга глядят. Для них блинов напечь велела и кулебяку налимыю погреть.

– Все правильно сделала, Матронушка. – Я всегда хвалила за любую разумную инициативу. – Спасибо тебе.

Сама же чуток погрустнела – придется навестить «кота и пса», накормить ужином. Да, кстати, и поесть самой. Тревога улеглась, и проснулся аппетит.

Но никаких долгих посиделок! Эту ночь мамы проведут рядом со своими детьми. Чтобы, если Лизонька или Степка проснутся, ощутили рядом не холодную пустоту, а родного человека.

Глава 7

Кот и пес уже не сидели молча. Не орали, не дрались – уже слава богу, конечно. Но вполголоса эти господа ругались только в путь!

– Вы, сударь, своей эскападой спугнули всю компанию каторжников. Хорошо, висельники эти просто оставили детей под крышей и скрылись, заметив следы вашей лошади вблизи избушки лесника. А если бы, не приведи Господь, забрали малышей с собой или еще хуже?! – выговаривал капитан-исправник, хмуро катая по салфетке шарик из хлебного мякиша.

Если бы не усталость, я бы даже вспомнила что-то важное... но внимание плыло, цеплялось за незначительные детали. Например, за то, что Михаил Второй удивительно знакомым жестом раздраженно рубанул рукой воздух:

– Оставьте свои инсинуации, сударь! Я сделал все, что было в моих силах, когда след привел меня в это место. Уж поверьте, я успел бы догнать супостатов, и, если бы не вы, сейчас мы бы узнали, кто отважился на это уникальное злодейство.

– Ваше высокоблагородие, – Михаил Первый словно в пик противнику становился все спокойнее, – у каждого в империи свои обязанности. Вы выполняете особые поручения генерал-губернатора, я – ловлю преступников и разыскиваю

пропавших. Давайте не будем мешать друг другу. Иначе получится такая вот, с позволения сказать, чехарда-с.

Он сделал паузу, во время которой тяжело и внимательно посмотрел на Михаила Второго. Показалось даже, придавил взглядом. И продолжил:

— Эти шаромыжники слухов нахватались, якобы голубовская барыня отцов клад в доме нашла, целый сундук золота. А то и два. Вот и решились душу сгубить для наших краев злодеянием невиданным — деток выкрасть, выкуп потребовать. Я через своих соглядатаев на след вышел, все подготовил, взял бы на горячем. А тут вы-с. Налетели, нашумели. Дарью Сергеевну запугали. Она дама недалеко-го ума и весьма дурного характера, признаю. Но ничем, кроме злых сплетен и тех самых слухов о кладе, не замаралась. Сама сидит с детьми взаперти, трясется. Злодеев опасается. Да, и кстати, ваше высокоблагородие, если вы и вправду чаяли в одиночку этих мизераблей догнать да повязать или несвязанными за собой идти заставить... тогда ваше счастье, что сейчас живы. Это в городе губернском всяческая шушера, увидя мундир, в струнку тянется или бухается на колени. В наших лесах иначе обернуться может. Тут, доложу вам, такие бестии встречаются, что с младенчества мундира не видели и могут полковника от пожарного не отличить...

Дядя-котик словно бы раздулся и ощерился. Еще секунда — и, казалось, он прыгнет на собеседника или хотя бы

злобно зафырчит.

Только битв на выживание мне здесь не хватало! Я вошла, специально стукнув дверью, и обратилась к Михаилам, сделав вид, будто не заметила конфликта:

– Уважаемые господа! Хочу вас обрадовать – детишки здоровы, злодеи им не навредили. Очень вам обоим признательна за участие, за помощь, за то, что оторвались от всех ваших прочих дел, особенно вам, Михаил Федорович, благодарна за последнее.

И одарила дядю-котика таким взглядом, что он сменил гнев на прежнее сдержанное презрение.

Другой Михаил Федорович не обиделся, что сугубый комплимент достался тезке. Только тихо ухмыльнулся в усы – понимаю, успокоили дитятю.

– Устали мы все, – продолжила я таким тоном, что попробуй не согласишься, – сейчас поужинаем, уж не взыщите, что скромно, и спать пойдем. И не спорьте. Ночевать останетесь оба, пурга в ночи только еще пуще разыгралась, никого в такую погоду не отпускаю.

Ужин был накрыт быстро и прошел молчаливо. Мужчины поглядывали друг на друга, порываясь что-то сказать, но возобновлять спор при мне не стали. Выпили пару рюмок смородиновой настойки. Я тоже позволила себе немного наливки – простой и надежный антидепрессант. Наконец-то можно расслабиться за эти страшные два... или три дня, уже не понимаю, не считаю. Потом.

Когда допивали чай, вошла Павловна и сказала, что комнаты для господ готовы. Я встала из-за стола.

– Что ж, время позднее, милостивые судари. Пойду спать, да и вам советую.

Гости мгновенно подхватились и раскланялись. Михаил Первый по своему обыкновению слегка суховато и неуклюже, Михаил Второй – элегантно и любезно.

Эх, путаники. Ни одного, ни второго уверенно опознать или отринуть не могу. Уже подумаю уверенно, мол, чужие, не помнят меня, не знают, никак не могли из будущего прийти. И вдруг мелькнет жест, слово проскочит, как искра. И снова выбьет почву из-под ног, снова лишит печальной уверенности, что в этот мир я попала одна и в нем надо все начинать сначала.

Но сегодня я так устала и перенервничала, что стало все равно. Если кто-то из них мой Миша, который меня не помнит и не узнал... ну что же, у нас еще есть время вспомнить друг друга. Если нет – и думать тут не о чем.

Да и узнал бы меня Миша сам. Всегда узнавал, с самых первых дней знакомства. В любой толпе – у метро, у концертного зала, на пляже, если морской отдых, в незнакомом иностранном городе я ждала его, глядела по сторонам и внезапно слышала громкий голос:

– Где мой страусенок эму?

Прочь прошлое, прочь любые посторонние мысли! Сейчас я больше всего хочу обнять мою маленькую девочку, во-

преки всем нынешним правилам взять ее к себе в кровать и спа-а-ать... всю ночь. А может, и утро. Или день. Пусть кому-то покажется капризом, но организму нужно восстановиться.

Видимо, даже у Павловны этим вечером не нашлось слов и духу, чтобы высказаться о «баловстве». Мне показалось, будь ее воля, она бы и сама нас с Лизой обняла и не отпускала до утра.

Но я уже давно перестроила наш быт так, чтобы Павловна спала не на войлоке в моей комнате, а в своей собственной кровати, у себя. Так что потискать ребенка, рассказать ему сказку и спеть песенку мне никто не помешал. Точнее, попытаться осуществить эту вечернюю программу. Для сказочки сил еще хватило, я выбрала короткую и, конечно же, не тревожную, не остросюжетную, даже не конфликтную – про горшочек, заполнивший кашей весь городок. И постоянно повторяла, что, когда вкусная каша текла по улицам, все были счастливы.

Заодно хотела понять – сыта Лизонька, или эта гастрономическая история пробудит ее аппетит. Нет, все в порядке, дочка хорошо поела и обрадовалась, когда горшочек перестал варить.

А вот какую песенку промурлыкала, уже и не помнила. Только запомнила, как Лизонька сказала мне серьезным и взрослым тоном:

– Мама, тебе было страшно?

И я честно ответила:

– Да, очень. Спи, доченька.

Но, похоже, уснула сама раньше нее. И успела запомнить, как мое солнышко накрывает маму сбившимся одеялом.

Глава 8

К своему удивлению, проснулась я не очень поздно. Будто сознание мне сказало: «Головушка отдохнула, деткам – спать, а тебе вставать и за дела. И так запущены».

Сначала надо проститься с гостями, потом заняться своими делами. Поднакопилось. И пожар же был, и вообще.

Первым удалился дядя-котик. В усадьбу примчалась тройка с колокольчиками, Михаил Второй допил кофе, докушал сайку с маслом и попрощался. Если он и разочаровался своей «неудачей», то никак этого не показал. Вроде бы столько трудов, столько риска, и все насмарку, детей спас другой. К тому же, судя по перешептыванию с прибывшим на той тройке денщиком, незапланированный перерыв в служебных делах не очень-то понравился начальству.

Но к чести Михаила Второго – он искренне радовался, что все обошлось так хорошо, дети живы и со мной. Поэтому я тоже искренне ему улыбнулась и подчеркнула, что говорю «до свидания», а не «прощай». Он очень явно обрадовался. И еще раз заверил, что счастлив за меня и за Лизоньку. Осведомился о здоровье дочери и деликатно напомнил, что надо бы вернуть дядюшкину лошадь. Передал Ивану Платоновичу свои извинения.

Михаил Первый тем временем выпался всласть, явно не стремясь к встрече с тезкой. Потом неторопливо напился

чая, убедился, что и его люди накормлены-напоены, и стал прощаться.

– Спасены детки, теперь надо и злодеев поймать. Может, этот... его высокоблагородие и правда пользу принес, что дети отдельно от каторжников оказались. Что придет в голову отпетой головушке, если такового в угол загнать, одному Богу ведомо.

– Где же вы их искать будете? – спросила я. – В лесах?

– Нет, сударыня, сейчас леса так занесены, что ни для какой охоты не годятся. И прятаться там несподручно – не медведи, чай, людишки, хотя и препаршивенькие. Ждать их надо там, куда человек из леса выходит, – на постоянных дворах, в деревнях дальних, где их встретить могут. У меня, считайте, в голове карта есть своего уезда, и понятно, где злодей крышу над головой найти может.

– Удачи вам, Михаил Федорович, – от всей души пожелала я. Мне, конечно, хотелось бы узнать, что за тайна стоит за этим похищением, в приبلудных каторжников верилось с трудом. Но в этих делах я привыкла доверять профессионалам. Сколько раз Миша мой внушал: дилетанты только путаются под ногами, мешают работе и создают опасные ситуации на пустом месте. Никакой шерлокхолмщины!

Поэтому я и здесь просто сказала:

– На всю жизнь я перед вами в долгу. И полностью вам доверяю.

– Бросьте, сударыня, – усмехнулся капитан-исправник. –

Работа у нас такая. Ничего сверх. Ну, прощайте!

И опять знакомая фраза про работу. Верно, совпадение. То один, то другой, как сговорились. А когда я за завтраком как бы невзначай спросила у подававшей на стол Павловны, не было ли весточки от Юстаса Алексу насчет славянского шкафа, оба глянули на меня одинаково коротко и удивленно. Как и сама Павловна. Наверняка решили, что барыня от волнений слегка не в себе. И деликатно сделали вид, будто ничего не произошло.

Эх...

Между тем исправник стремительно сошел с крыльца и уселся в свои сани. Отдохнувшие кони бодро взяли с места, Павловна, с неожиданной проворностью рванувшая вдруг следом, едва успела вбросить в руки «хорошему человеку» сверток с пирогами и зефиром.

– Побалуйте себя в дороге, батюшка барин! – крикнула она вслед саням.

Я тихо улыбнулась – «батюшка барин» был как минимум вдвое моложе самой Павловны. Но так уж тут принято.

В этот день никаких хозяйственных дел все равно не вышло. Сначала проснулась Лиза, и я как подхватила ее на руки, так и не могла отпустить. Она не возражала, сама вцепилась в меня обеими ручками. Кукла Амелка составила нам компанию.

Луша и Ариша от меня не отставали. А Павловна, словно квочка, нарезала круги то с плюшками, то с кашками, то но-

ровила укутать нас своим собственным платком.

А к обеду прибыл дяденька Иван Платонович. На выведенную тут же к крыльцу его одолженную лошадь только рукой махнул, меня быстро обнял, поцеловал в щеку и перекрестил Лизоньку.

– Ох, беда-беда, – едва усевшись за стол и посмотрев на пыхтящий самовар, высказался он. – Одно счастье – Бог миловал. Дарьюшка-то моя перепугалась насмерть. Ты, племянница, не держи зла на нее за длинный-то язык. Купеческое лезет, все никак не привыкнет, что ныне она дворянка, должна вести себя подобающе. Ну да не было бы счастья, но несчастье помогло. Так испугалась жена, что перед иконами поклялась мне: зло таила, но не умышляла, и впредь зареклась даже в мыслях пакостное держать. Свои дети, чай, есть. Понимает.

Я слушала дядюшку и благодарила судьбу, что вчера не доехала со своим вооруженным эскортом до его поместья и не наломала дров, в смысле, не сломала двери и не устроила скандал, если не драку. В те самые минуты, когда сани с детьми приближались к моему дому. Создала бы проблему на пустом месте, да еще с непредсказуемыми последствиями.

Со вчерашнего вечера кухня функционировала в режиме «барыня в доме», поэтому дядюшку ожидал настоящий обед, с закусками. У меня были интересные импровизации, о которых я гостям дворянам пока не говорила и на прошлые Святки никого не угощала. Например, «людские» щи подогрева-

лись в особой толстостенной кастрюле, заправлялись нарезанной и поджаренной с луком солонинкой, а также смесью различных трав. Получилось вполне себе «господское» блюдо, от которого такой запах шел по всей кухне, что только ходи да облизывайся.

Дядюшка оценил и его, и картофель с грибами. Я везла хороший семенной из Нижнего, купив там десять мешков у местных немцев-огородников. А здешний, который по осени взяла у мужика, почти весь решила пустить в еду. И самой вкусно, и дворню с крестьянами приучу. Вон, тесто на картофельном отваре для хлеба и пирогов кухарники мои вполне оценили.

Дядюшка ел, нахваливал, опробовал одну настойку, другую, повторил. Размяк, развеселился, пустился в болтовню.

– Вообще-то, племяненька, хорошо вышло с этой девкой, как ее, а, неважно! Осталась бы она в поместье – неведомо как стала бы Дашенька на младенчика поглядывать, да и меня им попрекала бы. А так, видишь, с глаз долой – из сердца вон. Ну, не то чтобы совсем из сердца, но ничего, изгладится. Как называли-то мальчика?

Глава 9

Я ответила, что ребенка крестили Прохором, и предложила попробовать зефира с земляничной отдушкой, меняя тему.

Увы, фокус не прошел.

– Прохором, – вздохнул дядюшка, выпивая пятую рюмку. – Ну да, мужицкая судьба и имя, значит, мужицкое. Хоть, как говорят, в барском доме растет. Племяншенька, а вели его принести! Посмотрю на личико, все же как-никак....

Тон был не столько требовательным, сколько задушевно-просящим. И самое простое – исполнить просьбу, уговорю как-нибудь Аришу. Или отложить под каким-нибудь предлогом и услышать в ответ: «Что из того, что спит ребенок?»

Нет. Проблему надо решить прямо сейчас.

– Дядюшка, – сказала я, не сухо, но твердо, – девица Арина чуть умом от тоски и страха не тронулась, да и младенец напуган. Отдыхать им надо сейчас, от пережитого лечиться. Не буду я Аришу тревожить.

– Так это же девка, – не столько рассерженно, сколько удивленно сказал дядюшка. – Была она в моей власти, стала в твоей. Прикажи, да и дело с концом.

– Дядюшка, – сказала я еще тверже, – Арина – человек. Пусть и в моей власти. Для чего царь позволяет нам людьми

владеть? Налоги собирать для казны, в армию поставлять рекрутов, нас самих содержать? Чтобы мы за людьми при-
сматривали, наказывали, если они виноваты. А вот совсем по-честному, – мой голос стал задушевнее, – случилось бы такое приключение в ваши совсем юные годы, да стало бы известно батюшке Платону Сергеевичу, он кого виновным признал бы, вас или девицу?

Дядюшка выслушал монолог внимательно, даже настойку наливает не стал. Поначалу казалось, рассердится. Но потом усмехнулся.

– Да, крутоват был твой дедушка, мой папенька. С девицы бы взыскал, да и с меня. Арапник носил не только для собак и псарей. Ладно, воля твоя, пусть девка отлежится, чтоб умом не тронулась. Потом покажешь малого как-нибудь.

«Повременим – самая надежная и жестокая форма отказа», – с облегчением подумала я. И мысленно поблагодарила «дедушку» Платона Сергеича за крутость и годную отмазку. Пусть дяденька считает, что я характером в сурового и упрямого деда пошла. Меньше вопросов станет задавать.

– А что, племянница, хорошо ли в Нижний съездила? – Разобравшись в главном вопросе, дядюшка принялся любопытствовать по другому поводу. – Небось, лампами своими торговала да конфетами? Или в лавку какую сдала? Ты смотри, осторожнее со спиртом-то, не дай бог, от казны начнут интересоваться, замучаешься ту прорву ненасытную кормить, чтоб отстали. Налетят, что твоя саранча, одними

взятками разорят!

Я только покачала головой – дяденькины наставления запоздали. Впрочем, делиться новостями тоже не спешила, мне пересуды среди соседей и крестьян без надобности.

Но и таиться не следует: начнешь секреты разводить – народ больше придумает и такого наболтает, вон как с кладом. Предчувствовала, что несколько золотых превратятся в сундуки, – как в воду глядела! Толку, что велела мужикам помалкивать. Не помогло.

Мы с дяденькой Иваном Платонычем неспешно пили чай, я демонстративно отправила девку в погреб, нацедить родственнику большую бутыл светильного зелья, наверняка у него дома кончилось. Выделила также два десятка стеариновых свечей в отдельный подарок. Неторопливая беседа переливалась как вода по камушкам, с ярмарочных диковин на цены в лавках и городские сплетни.

Я передала подарки и для Дарьи, и для ее старшей дочери, и для недавно родившейся младшей. Здесь так принято, а мне не в нагрузку было. Эти мелочи остались в санях, на которых я мчалась домой, недосуг было подчистую выгружать. Вот и пригодились.

Дяденька, поглядывая на синеющие за окном сумерки, наконец собрался домой. Кликнул кучера, честь честью расцеловал меня на крыльце и уже отправился к своим саням, к которым была привязана позаимствованная Михаилом Вторым кобыла. И тут за воротами послышался свист,

конское ржание, мужские голоса.

Прибыл обоз из Нижнего во главе с Алексейкой. Гнали, что ли, коней без жалости? Всего-то на сутки позже приехали. Или это нормально?

Да, они. Еремей пустился ругать Алексейку и всех возниц за то, что лошадок не берегли. Пусть и перепрягали время от времени – использовали тройку, оставленную на почтовой станции, – но все равно кони были в поту. Поэтому Еремея останавливать я не стала.

Но тем более не спешила присоединяться к его упрекам. Понимала – все хотели поскорее прибыть в Голубки и присоединиться к поискам детей. Немедленно соскочили, бросились ко мне...

– Эмма Марковна, как с Лизонькой? – хором крикнули Алексейка и Ванька, едва не поскользнувшись на утоптанном снегу, так что Алексейка чуть в меня не врезался.

– Дома все детки, живы и здоровы, – улыбнулась я.

А сама немного удивилась. Ладно Алексейка, не слуга, а помощник с первого дня в усадьбе. Но Ванька, просто симпатичный паренек лет пятнадцати, по-детски гордящийся, что барыня доверяет ему гостей встречать и объявлять о них. Когда прыгал с облучка, его лицо было безлунно-беззвездной ночью, а при вести, что с детьми все в порядке, будто на мордашке лампочки зажглись.

Видимо, как любой плохой вестник в старые времена, считал себя виновным. Ну и обрадовался.

Ладно, сейчас не время разгадывать психологические загадки. Для начала надо распрощаться с гостем.

– Да, любят, племяншенька, тебя твои людишки-то, – молвил Иван Платонович, размякший от чая и настоек и острожно пробиравшийся к своему экипажу мимо саней. – Чего там у тебя? Реторты какие-то, колбы, бочки даже. Полъярмарки купила. Я такие обозы только в ту пору видал, когда москвичи от Бонапарта разбегались. Ну, прощай, милая, да поскорей к нам в гости приезжай. Кровь-то родная.

Я скоренько поцеловала дядю в теплую небритую щеку, помахала рукой и принялась распоряжаться. Еремей уже всю хлопотал о лошадях, чтобы их поводили да напоили, непременно теплой водой. А я работала оператором, направляя одни грузы в дом, другие в амбары, третьи в подвал.

Работали весело и быстро. Уже скоро сани опустели, и мужички с прибаутками потянули их под навес. Потом я обратилась к маленькой толпе со сверкающими лицами:

– Спасибо, люди. Всем спасибо, кто помогал и переживал. Ступайте в людскую, там четверть полынной настойки мужикам и четверть наливки бабам. Закусите калачиками да окороком, пока пост не начался. А не хватит, – я лукаво улыбнулась, – добавлю бутылочку-другую. Только помните: на работу завтра.

Мужики с бабами возрадовались, а я наконец-то выдохнула и пошла в дом. Завтра и мне на работу.

Глава 10

Великий пост тянулся сорок два дня, со Страстной недели – сорок восемь и дал нам всем выдохнуть. Никаких увеселений не положено, так никому и не хотелось. Жили тихо, спокойно, проедали прошлогодние запасы, разбирали привезенное с ярмарки. Снег засыпал губернию с предсказуемой щедростью, хотя по календарю вовсю настал март, а потом и апрель начался.

Насколько я помнила из истории, в России никаких особых погодных аномалий в предстоящие три года не должно быть. Но это если сравнивать с катастрофой, накрывающей Европу и Северную Америку. А еще следовало быть готовой к незваной и неведомой здесь беде: небывалая засуха и несвоевременные муссоны в Индии разбудят спящую в стоячих водах смерть.

Холера. Именно погодную аномалию после вулканических извержений ученые в мое время считали причиной того, что холерный вибрион покинул места своего рождения и отправился в смертоносное путешествие по миру. Вспомнить бы еще, когда он дойдет до России. Вроде бы из-за этой заразы Пушкин оказался заперт в своем имении, где, возмущенный происходящим, создал несколько шедевров.

Самое то после минувшего страха подумать о грядущем. Чтобы сразу сойти с ума от тревоги. Но я не такой человек,

чтобы долго паниковать. Знаю об опасности? Сделаю все, чтобы ее предотвратить или побороть.

Насчет холеры, например, прекрасно помню рассказы деда. Он у меня был инженер-электрик, работал после Второй мировой на Ближнем Востоке – наша страна там строила многое. И с большим интересом отнесся к тому, как в Стамбуле, например, справились с очередной эпидемией. Там сложная история вышла, помню главное: холерный вибрион можно победить не только антибиотиками, которых у меня нет. Есть средство попроще: так называемая серебряная вода.

В те времена, из которых я здесь вынырнула, это словосочетание слегка потрепали рекламными слоганами и коммерческой выгодой. Простейшие приборчики продавали по цене космического двигателя. И обещали с его помощью вылечить все, от подагры до СПИДа.

Врали, конечно. Но полезность у этого ионизированного коктейля несомненно есть. Просто он не волшебный и помогает, если применять правильно.

Чтобы сделать прибор для производства серебряной воды, мне первым делом нужно электричество. Помимо химических опытов пришлось каждый вечер садиться с тетрадкой к лампе и старательно вспоминать все, чему меня учили в школе, техникуме и институте. А также по крупицам восстанавливать в памяти то, как дедушка мастеровал дома. Он у нас умел сделать и починить все, от стиральной машин-

ки до магнитного маятника.

У дедушки-то были разные преимущества – под рукой все нужные инструменты, да еще старая техника, чтоб раскурочить на запчасти. Мне же все детали и элементы создавать с нуля, точнее, со схемы, которую я должна объяснить кузнецу. Вспомнила милейшего Константина Васильевича, учителя физики, объяснившего нам, как сделать простейший элемент питания из лимона: разрезать фрукт, присоединить к каждой дольке кусочки медной и цинковой проволоки, потом соединить их другой проволочкой... Лимонов я привезла ящик, медную проволоку достать можно, а как быть с цинком? Впрочем, изводить дорогой заморский фрукт там, где годится обычная соляная кислота или даже просто вымоченная в соленой воде бумага – излишнее барство.

Еще помнила, что батарею можно сделать из медных монет и кусочков железа. Вариантов много.

Кроме теоретической электротехники у меня были и другие, более актуальные хлопоты. Очередной гонец, посланный на почту в уездный город, привез не только долгожданное письмо от петербургской кумушки-всезнайки Авдотьи Петровны, но и новость о том, что наследник имения с сахарным заводом наконец-то вступил в права собственности и готов продать ненужное оборудование. Наличные деньги у меня были, поэтому уже через три дня в Голубки прибыл обоз с измельчителем, варочным котлом и прессом. Я знала, что свеклосахарное производство создает не очень аппетит-

ный аромат, поэтому изучила местную розу ветров и разместила производство так, чтобы запах относилось на поле.

Появилось и сырье – покойный помещик успел засеять прошлой весной свои пашни сахарной свеклой. Мужички, скажем честно, расправившись с барином, мстить овощу не стали, выкопали его и, пользуясь следственной сумятицей, растащили по погребам. Не очень понимали, как использовать это достояние, и с радостью продавали его мне, точнее, меняли на рожь в пропорции 4:1. Еремей, с его постоянной заботой о конском поголовье, убедил меня, что пусть привозят свеклу сами, пока зимник держится.

У меня в голове тут же всплыла статья из журнала «Наука и жизнь». О том, как закладывать в траншеи свекловичный жом и использовать на корм скоту. Надо сесть и записать, а то такие проблески в голове как вспыхивают, так и гаснут. Можно криво вспомнить, можно правильно, да тут же и забыть.

Завела себе блокнот, сшив его из нескольких купленных в Нижнем тетрадей. К блокноту – карандаш на веревочке. В любой момент, в любом месте – как только воспоминание возникло – тут же записать, сию секунду.

Снег все сыпал и сыпал, весна по всем приметам, о каких толковали старики из крестьян, обещала быть поздней и мокрой. Не то чтобы крестьяне беспокоились, пока было рано. Но я все чаще задумывалась.

Я намеревалась посеять рожь там, где она росла и в про-

шлом году. Зерно к осени вздорожает вдесятеро не только в Европе, но и в наших краях. У меня почти не тронут давешний урожай, можно сделать на этом неплохие деньги. Но помимо ржи надо поднимать пустоши, под картошку и сахарную свеклу. Даже если из-за дождей хлеб, вопреки послезнанию, плохо уродится, у овощей больше шанса на выживание.

Инструменты для работы на пустошах – преимущественно выпасах, выкорчевать лес я не успею – готовились заранее. Одной из главных тяжестей в обозе был плуг – хорошо скованный, как раз под наши суглинки с вкраплениями чернозема.

Здесьние земли крестьянство до сих пор обрабатывало сохой. Это сказывалось и на качестве вспашки, и на посеве, и на урожае. Кузнецу уже дано задание по образцу привозного сковать два аналогичных плуга. Пока достаточно, в них и лошади не всякие сгодятся.

Дворовые ворчали, а через них и барщинные подхватили было: работали прадеды в поле с сохой, и незачем что-то придумывать с барских фокусов.

Но я твердо пообещала: те мужики, что научатся пахать плугом и обработают господские поля нужным образом, потом забесплатно могут взять ту «железяку» и работать брат на брата.

Настроение в крестьянской среде мгновенно изменилось. Плугом пахать тяжелее. Но и продуктивнее. Об этом мужики хорошо знали. У экономических, из богатеев которые, плуг

не в новинку. А мужицкий взгляд – он приметливый.

Снег продолжал падать и подтаивать, я готовилась к непростому летнему сезону и, конечно же, каждый вечер радовала Лизоньку и Степку новой сказкой.

Но как-то вечером детишки, нагулявшись в редкий погожий день – правда, солнышко было не ярким, – быстро заснули. Возиться над динамо-машиной или гальванической батареей не хотелось, и я вдруг вспомнила про письмо.

Почему подзабыла-то? Михаил Первый меня не беспокоил, и я хотела выкинуть из головы эту неприятную историю с чиновником на березе. Теперь же конверт попался на глаза. Надо бы прочитать наконец.

Я приступила к чтению. И некоторое время спустя пристынула от удивления.

Глава 11

Авдотья Петровна оказалась болтушкой не только в устном разговоре. Конверт содержал четыре листика, исписанных мелким почерком, так что я раза три делала гимнастику для глаз. Главная сплетница питерской окраины извинялась передо мной, раскрывала тайны неизвестных мне семейных пар, пока не дошло до Анатоля. И вот тут началось самое странное.

Нет, с самим «щеголем» она не знакома. Зато сестра ее знакомой прачки гуляла с лакеем «франтика». И лакей рассказал, что однажды, в начале прошлой осени, барин заявился домой пьяным, плясал, махал какой-то бумагой, поил прислугу французским вином и кричал, что теперь он миллионщик. И добавлял, что, хоть миллион от него укатил, теперь-то он за ним сам последует.

На другой день протрезвел. Запретил всем говорить о вчерашнем. После чего уехал сам, по казенной подорожной, чтобы быстрее. Уехал и пропал.

«К тебе он точно направился, Эммочка, – писала Авдотья Петровна, – вот только, говорят, не доехал, помер в дороге».

И еще две странички такой же убористой болтовни, которые пришлось проскочить через строчку – вдруг и там чего-нибудь полезное.

Да, похоже, горячая и страстная любовь здесь ни при чем.

Поехал он не за Эммочкой, а за миллионом. Но я-то тут каким боком? Можно предположить, что десять отцовских золотых монет были превращены уездными сплетниками в сундук, а до Питера докатилась легенда про клад Али-Бабы или графа Монте-Кристо – если этот роман уже написан.

Разгадка ближе не стала, поэтому я прогулялась и пошла спать. Но про бумагу, которой размахивал несчастный, задумалась.

А еще не могла забыть историю с похищением детей. Детки-то в усадьбу вернулись и уже не помнили те страшные дни. Только лишь раз Лизонька, гулявшая со мной по двору, вздрогнула при виде большого мешка.

Но мне не давала покоя простая мысль: злодеи-то не пойманы. Или пойманы, только Михаил Федорович Первый об этом мне сообщить не соизволил.

Поэтому теперь просто так в усадьбу не войти, не въехать. У ворот – постоянный привратник, с добродушным, но если надо – злым Кудлашом. В прогулках Павловну или Лушу сопровождает дворовый. Чаще всего Ванька – гости в усадьбу в Великий пост не жаловали, и он наблюдал за игравшими детьми с таким усердием, что я невольно улыбалась.

* * *

Обоз от купца Никитина успел добраться до Голубков еще по зимнему пути. Обрато сани уезжали хоть и не налегке –

было мне что отправить на продажу, – но все же не десятипудовыми бочками груженные. Так что начавшая раскисать весенняя дорога не слишком пугала ездовых и приказчиков.

Нефти привезли двадцать здоровенных бочек. Двадцать баррелей то бишь. Керосину наделать – хоть залейся. И себе на год, и на продажу хватит. Как раз по моим чертежам жестяники в уездном городе приготовили резервуары, механизмы для прокручивания фитиля, приспособления, чтобы поднимать и опускать стеклянный колпак. Сами колпаки выдули на ближайшем стекольном заводике – не все ж из бутылок кустарничать. Даже и дешево вышло, ибо процесс несложный. Если стекло где чуть маленькой волной пошло, не страшно, главное – форма и прозрачность.

Фитили бабы из льна наплели широкими плоскими жгутами. Очень кстати вспомнила я детскую забавку соседей по даче – диск кумихимо. Девчата на нем плели фенечки да прочие безделицы. Устройство – проще некуда. Деревянный круг с дыркой посередине и намеченными прорезями по внешнему краю. А шнур получается любого диаметра и плотности, знай нитки подбирай да количество регулируй.

Очень хорошие фитили вышли, на спиртовках я проверила – работают. На керосине будет еще лучше.

Помимо бочек с нефтью обозники привезли других нужных вещей. А также вместе с ними прибыл очень важный человек, которого я настоятельно просила для меня подыскать в Нижнем.

Собственно, приехал он не один. К последней телеге обоза были привязаны четыре кобылы, три из которых были жеребые, а одна уже ожеребившаяся. Жеребенок весело бежал рядом с матерью.

На самой телеге стояло что-то вроде кибитки, обтянутой толстым войлоком. В кибитке обнаружился худой малорослый мужик с восточными чертами лица и сивыми усами. Его жена, такая же худая и обветренная. И мал мала меньше штук пять ребятишек.

– Хей-хой, барыня, – поприветствовал меня гость, ловко перепрыгивая через борт телеги. – Здравья! Большой купец сказала, ты меня искал? Работа дать хотел? Адучи мой имя. Это Баяр, жена мой.

– И тебе здравствовать, добрый человек, – улыбнулась я. – Есть работа. И для тебя, и для твоей жены. Хочу кумыс делать. Чтобы самим пить и людей своих поить.

– Нешто кобылье молоко пить станешь? – удивился Адучи.

Я только вздохнула про себя. Да я черта лысого пить и есть стану, а самое важное – детей приучу, лишь бы уберечься от главной болезни этого времени – чахотки. Кумыс – не панацея. Но! Но. Как профилактика легочных болезней – отличное средство! Барсучий жир у нас есть, пусть и это зелье будет в доступе. А что люд здешний не привык к такому питью – так крепостное право. Должна ж от него хоть какая польза быть? Мне в доме и окрестностях кашляющие раз-

носчики палочки Коха без надобности.

Адучи, его жена и их шумное потомство отправились на постой во флигелек, совсем недавно пристроенный позади основного дома. Флигель утеплили проверенным глиняно-соломенным методом и протопили, всего там получилось шесть небольших комнат по одной стороне коридора и три просторных по другой. В маленьких я рассчитывала селить мастеровых, из тех, что найму, а в больших сделать мастерские. А заодно подобрала площадку для еще одного общежития, для сельхозрабочих. И не только из экономического села. Кто знает, как сложится с сельским хозяйством этим летом и не переведут ли помещики-соседи своих мужиков с барщины на оброк, хоть и временный.

Калмыцкой семье, оценив размер их плодовитости, я хотела было выделить большое помещение, ограничившись пока двумя мастерскими. Но мои новые жильцы сами выбрали комнату поменьше. Насколько я поняла из немного путаных и не совсем грамотных объяснений Адучи, в маленькой комнате и привычнее, и уютнее, и теплее.

Ну, хозяин – барин. Оставила людей обустраиваться, показала, к кому бежать, если что понадобится, и велела отдыхать. О делах завтра поговорим.

Еще задумалась, как познакомить селян с новыми сотрудниками, иноземцами-иноверцами. Последний татарский набег в этих краях был два с половиной века назад, пока Иван Грозный не взял Казань, но предрассудки не исключались.

Как раз настало Благовещение. Отец Даниил по моей просьбе в праздничной проповеди сказал, что Господь терпит и милует даже некрещенные народы, и так увлекся красноречием, что соединил два праздника и сказал, что волхвы, возможно, пришли с подарками к младенцу Христу из страны калмыков.

Это впечатлило Павловну, никогда не дремавшую во время чтения Библии в храме и хорошо запомнившую, как путешествовали волхвы. Поэтому первым делом она спросила Адучи:

– Скажи, желтый человек, в твоих краях верблюды есть?

– Есть, белая баба, – ответил калмык, – но их молоко – плохой кумыс.

Это культурное открытие так поразило старую няньку, что, когда кто-то из дворни обозвал гостей «татарвой», она сказала:

– Да не татарва это, дурак, а волхвы.

Глава 12

На столе лежали россыпью медные монетки и плоские кривоватые кусочки железа. Я смотрела на них как на личных врагов. Физику в школе надо было лучше учить, Эмма, физику! А не только химию.

В целом-то ничего сложного в таком источнике тока нет. Теоретически. А на практике без твердых знаний электротехники голову сломишь. Сила тока, напряжение, сопротивление... я помню, что это такое. Даже кое-какие формулы со школьной линейки, некогда лично разрисованной этими нужными значками, еще болтаются где-то на задворках памяти. Но понятия не имею, как рассчитать, достаточно ли металла, электролита и глиняного горшка средних размеров для того, чтобы заставить ионы серебра насыщать воду.

М-де... С одной стороны, холера доберется до России нескоро – только в двадцать третьем. А настоящая трагедия и вовсе в тридцатом произойдет. Чего ж я сейчас-то голову ломаю?

А того. Пока помню еще хоть что-то, пока не затерлось повседневностью мое школьное образование, надо все это перенести в реальность, на практику.

Не могу просто рассчитать? Будем экспериментировать. Поэтому я направилась в кузницу и заказала Федору изготовить медную проволоку. Молодой кузнец так и не по-

нял, для чего барыне нужна «медная бечева», но сказал, что займется завтра-послезавтра, как только докует новый плуг. Он уже понял, что даже если барская затея непонятна, то результат будет самый неожиданный и интересный. Например, однажды я велела отнести кузнецу корзиночку с котлетами и передать, что они сделаны благодаря тому странно-му винту, что в прошлом году заказан был.

Когда я собиралась уходить из кузницы, там появился дед Егорыч – вполне еще крепкий старик, живший на окраине деревни. Поздоровался со мной, несмело спросил: можно ли к старому кузнецу обратиться?

Я позволила. В кузне недавно появился второй горн, так что можно было одновременно работать и по моим сложным заказам, и по простейшим крестьянским потребностям. Спросила Егорыча, что привело его в кузницу.

– Да вот уключины совсем поржавели, обновить надо, – сказал дед.

– На рыбалку собрался? – улыбнулась я. – Лед еще не сошел, подождать можно.

– Так, Эмма Марковна, вода ждать не будет, она сама ко мне придет, – грустно пошутил старик и добавил: – В этом-то году снега выпало, как никто не упомнит. Значит, и вода будет высокая, как не бывало. Как бы и вашу усадьбу-то не подтопило.

Я вспомнила, что видела на окраине села, на крышах сараев, пару лодок. Тогда не придавала этому значения, только уди-

вилась – как же мужики на речку Голубку их тащат? Значит, это местная предусмотрительность. Как там у поэта, жившего не так и далеко от этих мест: «В нашем болотистом, низменном крае...» Там-то у него пришлось спасать зайчиков, но во время большого весеннего половодья и людям может прийти очень несладко.

Наша речка скромная, к середине лета, по словам мужиков, мелеет так, что и брод искать не надо – везде перейдешь и рубаху не намочишь. Но берега низкие. И надо быть готовым, что недели через две она станет Невой во время наводнения.

Что значит «быть готовым»? Это значит срочно освоить азы геодезии, если не инструментальной, то наблюдательной – понять, какие участки точно не будут затоплены, а куда вода придет непременно. Проверить, сколько лодок в селе, чтобы не пришлось кататься на половинках ворот. Подготовить сухие хранилища для моего добра, а может, и крестьянского.

Вот с такими мыслями я возвращалась в усадьбу.

Заодно наскоро инспектировала почти угасшую детскую память оригинальной Эммочки. Она с матерью почти все время жила в поместье дяди, которое совершенно точно не затапливало. Но там и реки поблизости не было.

Вернувшись на хозяйственный двор, я принялась деловито оглядываться, а потом едва не хлопнула себя по лбу: первым делом надо расспросить тех, кто здесь давно живет!

Так и выясним, какие места точно топит в половодье. А от них и будем прикидывать, что окажется в опасности, если коварный далекий вулкан подарит не только год без лета, но и новый всемирный потоп. Хотя бы в масштабах уезда.

Как задумала, так и сделала. Лучшим источником топографических сведений оказалась Матрена. Потому что она помнила прошлое наводнение, которого Алексейка, например, не застал по младости лет.

– Давно было, еще до того года, когда царь Павел мужиков заставил себе присягать, – обстоятельно докладывала старшая кухарка, заложив руки под фартук. – Барский дом сух остался. И те службы, что справа по двору, тоже на пригорке. А вот сараи, что по левую руку, затопило по мой фартук. Помню, до середины лета там вода стояла, плесенью все стены изошли, погреба затопило и ледники. В деревне – совсем беда. Половина изб сгнила, что с дальнего конца, ближе к низинке. Зерно намокло у дураков-то, что не смекнули на чердак поднять. Так-то с полей вода к Вознесению сошла, но не везде. На пашне у Федотки Лысого до Троицы карасей руками ловили. Плохо было с зерном в тот год, зато сенокос знатный выдался.

– Понятно. – Я наскоро стала вспоминать географию собственного двора и соображать, почему слева все так плохо, хотя справа вроде как не сильно выше. И вдруг сообразила, что с той стороны у нас прямо за забором довольно глубокий овраг, склоны которого, по словам дворовых, прежде

регулярно укрепляли кустами, кольями, проводили прочие нехитрые противооползневые работы. Хм...

– Вот что, Матрена, передай Алексею, чтобы к завтрашнему утру собрал всех взрослых мужиков из барщинных. И стариков позовите, из тех, кто разумные и уважаемые на селе. Будем готовиться от половодья спастись всем миром. Заодно лопаты подсчитаем, сколько есть у мужиков да сколько у нас в чулане хранится. Мало окажется – велю изготовить сколько нужно, прочие кузнечные дела отложив.

Ну да, а что мне еще оставалось? Только копать дренажные канавы и отводить воду. Дамбы построить ни сил, ни времени.

Разговор с мужиками оказался печально-оптимистичным. Седобородые дедушки согласились с Матреной – да, было дело, в лодках по селу плавали, а в хлевах телята тонули. Но половодье – дело Божье. Как придет вода, так и сойдет через пару недель. Если барыня, уважаемая Эмма Марковна, знает, как сделать, чтобы вода быстрее сошла да не затопила, – тогда и сделаем.

К тому времени я уже произвела учет наличествующего инструмента и велела кузнецам в первоочередном порядке сделать еще дюжину лопат из остатков железа.

Ничего хорошего в надвигающейся проблеме нет, но все не так страшно. Из рассказов стариков я поняла, что половодье на Среднерусской равнине – не катастрофический сель на горных реках, когда милый ручеек за несколько ча-

сов превращается в убийственный грязевой поток. Снег тает медленно, вода не торопится, так что время что-то сделать есть всегда.

Действительно, в последние дни на пригорках появились проплешины, а придорожные канавы стали набухать водой. Зимнику жить считанные дни. Надо сообразить, что успеть отправить в город или что получить из него. Ну а потом готовиться к тому, что Голубки, как и больше половины селений уезда, временно станут автономны. Ни санями, ни телегой не проехать, а вертолеты еще не изобретены.

Глава 13

Кто бы знал, что половодье послужит нам на пользу, а не во вред. Обоз с зефиром и новым невиданным лакомством, «птичьим молоком» на желатине (пришлось вываривать и очищать самой), уехал в Нижний по остаткам зимнего тракта. Алексейка даже успел вернуться до того, как дороги окончательно развезло.

– Ну, сударыня, вот уж дива наделали вы со своим вонючим земляным маслом! – с ходу принялся докладывать он, блестя глазами. – Лампа-то на нем светит ярче, а горит дольше! Вот купец рот открыл, и так и эдак колесико крутил, чтоб огонь то больше делать, то меньше. И даже стекло не закоптил совсем, как от масляных-то лампадок! А ту горелку, какую вы для походных дел придумали, сразу себе забрал и честь по чести побег в канцелярию совместный патент делать, без обману. Только беспокоился, чтоб другие промышленники про вас не узнали да не переманили. Даже процент себе меньше взял!

Я только устало улыбнулась. Ректификационная колонна всю работала в дальнем сарае, и ни капли нефти не уходило у меня в отходы. Когда сырье везут гужевым транспортом, а до этого – бурлаками по Волге, то даже мазут на вес золота.

– А что, барыня, говорят, вы теперь дворовых как-то по-особому приневолили? – выпустив первый заряд радости

и обстоятельно, с бумагами доложив обо всех городских делах, осведомился Алексейка. — Я не понял, но Ванятка успел какой-то ерунды нашептать про «поганую простоквашу» и «адское зелье».

— Вот сейчас сам и узнаешь, — усмехнулась я. — После дороги пожалуй в баньку. Там тебе все и распевают про наши новые порядки.

М-да, битва вышла эпическая, с привлечением батюшки и серебряных рубликов на новый колокол для церкви. А все дело в том, что мне надоели вши. Блох в доме мы вывели, постели мои и детей регулярно стирались и прожаривались, полы мыли с травами. Но в головах дворовых и особенно деревенских, что приходили по делам в поместье, зоопарк процветал во всей красе. И даже не зоопарк, а сафари-парк, обитатели которого любят знакомиться с туристами.

Вот и пришлось соединять оздоровление с обеззараживанием. Устраивать всеобщий банный день с керосином в волосах, причем строжайше следить, чтоб никто не набедокурил и близко к огню не сунулся, особенно дети или их бородастые папеньки. А потом сообщить о предстоящей кумысо-терапии.

Правда, пока кумыса хватало только по стакану в день детям до четырнадцати лет. Ну не было у нас в поместье столько жеребых кобыл, а из воздуха Баяр кумыс делать не умела.

С отцом Даниилом оказалось легче всего. Ему самому не очень нравилось во время исповеди покрывать голо-

вы грешной паствы епитрахилью, а потом грешить самому, мысленно и словесно, очищая элемент священного одеяния от коварных гостей.

— Надо, дочь моя, Эмма Марковна, эту насекомость вывести, — согласился он. И во время очередной проповеди напомнил о приближении Чистого четверга. Начал, как водится, с чистоты духовной и необходимости посетить службы этого дня. Но тут же перешел к чистоте жилищной и телесной. Напомнил Евангельскую притчу о печальной судьбе гостя, пришедшего на званый пир в непраздничной одежде и выброшенного во тьму внешнюю. А также историю из Ветхого Завета, как Моисей повелел воздвигнуть медного змия, чтобы иудеи, укушенные змеями в пустыне, глядели на него и исцелялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.